

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

07.00.09

Историография, источники и методы
исторического исследования
Historiography, Source Studies, and Methods of Historical Research

DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-3-85-95

УДК 930.1

Особенности исторического образования на рубеже 1960–1970 гг. (на материалах Уральского государственного университета им. А.М. Горького)

©В. Д. Камынин

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ)
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: kamyninv@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе использования источников личного происхождения анализируются особенности получения исторического образования в СССР в эпоху начала перехода к «ресталинизации» на рубеже 1960–1970 гг. Уральский государственный университет им. А.М. Горького (УрГУ), исторический факультет которого автор данной статьи закончил в 1972 г., являлся средним по масштабам региональным вузом страны. Однако в области исторического образования в этом учебном заведении происходили процессы, зачастую выходящие за рамки типичного периферийного вуза. В статье рассмотрены особенности организации учебного процесса на историческом факультете, дана характеристика некоторых преподавателей, их подхода к преподаванию читаемых дисциплин, обстановки, сложившейся на факультете. Естественно, что наблюдения автора статьи носят субъективный характер. Однако автор позволяет их высказать, учитывая, что к настоящему времени накопился значительный и уникальный массив источников личного происхождения, позволяющих провести реконструкцию, происходивших на историческом факультете УрГУ процессов. Суть этих процессов, по нашему мнению, заключалась в том, что смена политики правящей партии на рубеже 1960–1970 гг. нашла непосредственное воплощение в преподавании общественных и исторических дисциплин на «идеологическом» факультете. Получавшие историческое образование студенты в УрГУ в эти годы своими глазами видели начавшуюся борьбу старого и нового в преподавании.

Ключевые слова: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, историческое образование, источники личного происхождения, «ресталинизация», борьба старого и нового в преподавании, «инакомыслие» в советскую эпоху.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Камынин В. Д. Особенности исторического образования на рубеже 1960–1970 гг. (на материалах Уральского государственного университета им. А.М. Горького) // *История и современное мировоззрение*. 2021. Т. 3. №3. С. 85-95. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-3-85-95

Features of Historical Education at the Turn of 1960–1970. (Based on the Materials of the Ural State University named after A.M. Gorky)

©D. V. Kamynin

Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: kamyninv@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the peculiarities of obtaining historical education in the USSR in the era of the beginning of the transition to «restalinization» at the turn of 1960–1970 on the basis of the use of sources of personal origin. The Ural State University named after A.M. Gorky (USU), the history department of which the author of this article graduated in 1972, was an average regional university of the country. However, in the field of historical education, there were processes in this educational institution that often went beyond the typical peripheral university. The article considers the peculiarities of the organization of the educational process at the faculty of history, describes some teachers, their approach to teaching the subjects being read, the situation that has developed at the faculty. Naturally, the observations of the author of the article are subjective. However, the author allows them to be expressed, given that by now a significant and unique array of sources of personal origin has accumulated, allowing for the reconstruction of the processes that took place at the historical faculty of USU. The essence of these processes, in our opinion, was that the change in the policy of the ruling party at the turn of 1960–1970 was directly embodied in the teaching of social and historical disciplines at the «ideological» faculty. Students who received a historical education at USU during these years saw with their own eyes the struggle between the old and the new in teaching.

Key words: A. M. Gorky Ural State University, historical education, sources of personal origin, «restalinization», the struggle of the old and the new in teaching, «dissent» in the soviet era.

FOR CITATION: Kamynin D. V. Features of Historical Education at the Turn of 1960–1970. (Based on the Materials of the Ural State University named after A.M. Gorky) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2021. Vol. 3. №3. P. 85-95. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-3-85-95

ВВЕДЕНИЕ

Летописец исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького А.В. Черноухов так пишет о курсе, который обучался в университете с 1967 по 1972 гг.: «В 1970 г. прошел «экватор» примечательный курс. Он пришел на истфак в год 50-летия Октября, а закончил его в год 50-летия образования СССР» [33, с. 133-134]. Действительно, между этими юбилейными датами уместилась переломная эпоха в истории нашей страны. Из воспоминаний моих однокурсников: «В 1967 г. мы – 53 юношей и девушек из всех уголков СССР, пройдя конкурс из 13 человек на место, поступили на истфак УрГУ. Среди нас были вчерашние школьники, ребята, успевшие поработать год – два, окончившие рабфак и отслужившие в армии. Нас объединяло желание получить историческое образование, которое, как оказалось, не только дало нам профессию, но и помогло лучше ориентироваться в жизни» [14, с. 20].

Мы пришли учиться на истфак в очень непростое для страны время. Некоторые из нас еще при поступлении говорили о том, что намерены участвовать в процессе реабилитации жертв сталинских репрессий. Однако прямо на наших глазах начал происходить «консервативный поворот» в науке.

Возможность реконструировать процесс обучения на истфаке появилась только сейчас в связи с появлением для этого достаточной источниковой базы. Она уникальна. Автор, связанный с УрГУ более 50 лет, свидетельствует, что ни по одному периоду истории исторического факультета, основанного в 1938 г., не существует такого количества источников личного происхождения, как по периоду конца 1960–начала 1970-х гг. Наличие такого феномена еще требует своего объяснения. По нашему мнению, это напрямую связано с процессами, происходившими на факультете в то время.

Источники делятся на несколько групп. Это воспоминания преподавателей, работавших в это время на историческом факультете [5, 6, 9, 19], воспоминания о преподавате-

лях, работавших в это время на историческом факультете [10, 25, 34], о выпускниках исторического факультета конца 1960–начала 1970-х гг. [8, 22], воспоминания выпускников исторического факультета этого времени [14, 27, 33], интервью выпускников этого времени [2, 21].

Любопытно, что авторы некоторых воспоминаний формулируют критерии, которыми они руководствовались, освещая те или иные события. По словам старейшего преподавателя истфака Г.А. Кулагиной, которая завершила свои воспоминания в возрасте 90 лет, «при написании воспоминаний нельзя полагаться на эмоции, ассоциации личного порядка, а следует оперировать только проверенными фактами». Она писала: «Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы отрицательные личностные качества человека, о котором пишешь, если они не имеют непосредственного отношения к делу, становились стараниями увлекшегося мемуариста достоянием читателя» [19, с. 90, 91].

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Наиболее полными являются воспоминания выпускника 1968 г. Р.Г. Пихой и выпускника 1969 г. А.В. Черноухова. В них описываются особенности учебного процесса на историческом факультете Уральского государственного университета в период с 1964 по 1969 гг., когда студенты проходили обучение по укороченному варианту в течение 4-х лет. С ними очень интересно сопоставить наши воспоминания.

Хочется сразу отметить, что нашему курсу очень повезло в процессе обучения. Нам завидовали те, кто учился и до нас, и после нас. Причин для зависти было много.

Мы смогли получить настоящее классическое университетское образование. История высшего образования в СССР и современной России доказала, что 5-летний срок подготовки специалистов является наиболее оптимальным по качеству образования.

Увидеть преимущества 5-летнего срока обучения позволяет сравнение учебных планов, по которым учили нас и наших предшественников.

В новом учебном плане гораздо большее место стало отводиться изучению языков. Они делились на древние и современные. В отличие от наших предшественников мы наряду с латинским языком изучали древнерусский язык (в течение одного семестра). Мы изучали латинский язык в течение года, а наши предшественники – в течение одного семестра.

В изучении языков, как древних, так и современных, многое зависит от преподавателя, который владеет определенной методикой преподавания. Р.Г. Пихоя вспоминает: латинский язык у нас преподавал В. Ф. Житников. «Собственно, это был не столько латинский (хотя и Цезаря о Галльской войне переводили, и грамматику пытались учить, но всерьез сделать это за три месяца было, конечно, невозможно), сколько попытка сообщить нам самые общие сведения о сравнительном языкознании» [27, с. 14].

На нашем курсе в одной группе вел латинский язык М.С. Ушаков, в другой – Л.В. Доровских. Преподаватели сильно различались в подходе к преподаванию своего предмета. М.С. Ушаков пожилой и добродушный мужчина, участник Великой Отечественной войны, понимал, что этот мертвый язык понадобится лишь немногим студентом, специализирующимся по древности. Основное внимание он уделял методике перевода, интересно рассказывал о латинизмах в русском языке.

На зачет он вынес 150 латинских выражений. Все студенты благополучно сдали зачет и до сих пор в общении используют латинские крылатые выражения.

Л.В. Доровских упор делала на изучении лексики латинского языка буквально замучила студентов упражнениями по грамматическим разделам элементарного курса латинского языка. Некоторые мои однокурсники вынуждены были оставить обучение в университете, не получив зачет по латинскому языку.

Хотя я школу закончил с серебряной медалью и в аттестате по немецкому языку стояла оценка «5», однако язык я знал слабо. На истфаке мне сначала повезло. В нашей немецкой группе на первом курсе был очень сильный преподаватель Т.Г. Астафьева. Она окончила немецкое отделение факультета иностранных языков Свердловского педагогического института по специальности «преподаватель немецкого языка» (1937–1941). В годы Великой Отечественной войны работала сотрудником отдела «А» Управления Наркомата безопасности по Свердловской области (1942–1946), работала синхронным переводчиком [1].

Т.Г. Астафьева говорила по-русски с акцентом. Требовала от студентов говорить на занятиях только по-немецки: «Bitte, Deutsch!». Мало с нами поработала Т.Г. Астафьева. Она вела у нас занятия 2 семестра, но прогресс в знании немецкого языка был налицо.

Однако с 3-го семестра преподаватель немецкого языка сменился и занятия стала вести милая Н.И. Копылевич, но она ничему нас, кроме переводов политических текстов из «Noes Leben» не научила. Надо было переводить знаменитые «тысячи», читать, учить грамматику. На занятиях она больше разговаривала с девочками на актуальные для них темы (естественно на русском языке). Я особенно почувствовал отсутствие разговорных навыков в языке во время стажировки в Германии в феврале 1997 г.

Университет предоставил студентам истфака после сдачи государственного экзамена по основному языку продолжить изучение одного из современных иностранных языков факультативно. Поскольку моя специализация по советской истории не требовала знания иностранного языка я в течение одного семестра изучал польский язык, но желающих его изучать было немного и группа была расформирована.

Основное отличие между учебными планами обнаруживается и в том, что нами были прослушаны некоторые курсы, которые читались преподавателями других факультетов и общеуниверситетских кафедр УрГУ только у нас. Эти курсы можно разделить на три группы.

Первую часть составляли обязательные общественные дисциплины: история КПСС, марксистско-ленинская философия (диамат и истмат), история философии, научный коммунизм, политэкономия капитализма и социализма, научный атеизм. Эти курсы читались на всех факультетах университета.

По новому учебному плану круг общественных дисциплин даже расширился. Мы слушали марксистско-ленинскую этику и эстетику.

Читали их преподаватели в основном традиционно. Однако среди них были настоящие личности, что накладывало отпечаток на читаемый ими предмет. Руководство истфака приглашало для чтения общественных дисциплин преподавателей с других факультетов университета, но это были как правило бывшие выпускники истфака, которые хорошо понимали, что нужно будущему историку.

Марксистско-ленинскую философию (диамат) читал доцент философского факультета, выпускник истфака 1959 г. Г.И. Бондарев. В качестве учебника по своему предмету он рекомендовал нам учебник, написанный М.Н. Руткевичем, который являлся организатором и первым деканом философского факультета УрГУ. М.Н. Руткевич в будущем член-корреспондент АН СССР, директор Института социологии был автором одного из лучших советских учебников по диамату «Философские проблемы естествознания». Изучение материала из этого учебника помогло студентам проникнуть в суть революций, которые проходили в естественных науках, понять суть естественнонаучной картины мира и ее мировоззренческое значение.

Из воспоминаний о Г.И. Бондареве: «Его любимым предметом была тема мироздания, бесконечность материи, циклы развития космоса. Он сознавал себя частицей огромного вечного процесса, и то, что мы называем настоящим историческим, было для него маленькой толикой. Это его укрепляло и возвышало. Сейчас идею бесконечности можно связывать с идеей Бога, для него же это была идея мироздания. Бондарев считал, что любая картина мира хороша, если она дает человеку шанс...

Бондарев был последним романтиком, хотя сам он считал себя рационалистом. Только человек, поставивший крест на собственном благополучии и карьере, мог тридцать лет упрямо пробиваться к студентам с темой о противоречиях социализма... Он был тем редчайшим для советского времени марксистом, который знал цену марксизму...

«Он был стойким. Когда в начале 70-х стали доказывать, что мы живем при развитом социализме, он говорил на семинарах, что ничего подобного у нас в стране нет. В 68-м году он был единственным, с кем мы, студенты, могли быть открытвенны. Бондарев абсолютно однозначно осуждал вторжение в Чехословакию, но в отличие от нас он говорил, что это не просто ошибка...» [34, с. 145, 146].

Марксистско-ленинскую философию (истмат) нам читал доцент философского факультета В.К. Бакшуттов. Хочется согласиться с мнением Р.Г. Пихои: «Насколько хорош был диамат, настолько банальным был истмат» [27, с. 28]. Красной нитью через курс истмата проходили идеи исторического прогресса и закономерностей исторического развития. Однако сам преподаватель был крупным философом, специалистом в области философской антропологии и социальной философии, и как мы узнали позже являлся учеником великого русского философа А.Ф. Лосева, находился с ним в переписке, общался с ним лично.

Изучение двух предметов из категории общественных дисциплин оказало серьезное влияние на мое формирование как историографа.

Историю философии читал доцент философского факультета выпускник истфака 1962 г. В.Т. Звиревич. Знакомство с этим предметом позволило мне уяснить, что на каждый вопрос имеется несколько точек зрения, которые отличаются мировоззрением автора, в основе которого лежит разделяемая им философская концепция.

Курс логики читал преподаватель Свердловского юридического института Трунов (к сожалению, за давностью лет не удалось восстановить инициалы этого человека). Перед ним стояла задача познакомить студентов с основами марксистско-ленинской логики. Однако, будучи юристом, он прочитал нам курс формальной логики, прочитал настолько

хорошо и понятно, что этот курс позволил автору этих строк выстроить логику собственного научного исследования и читать в течение нескольких десятилетий курс «Логика научного исследования» для аспирантов и магистрантов.

Вторая часть курсов относилась к нашей будущей профессиональной деятельности: психология, педагогика, методика преподавания истории и обществоведения. Эти курсы в основном читали преподаватели Свердловского педагогического института.

Третья часть курсов читалась на истфаке только нам по новому 5-летнему учебному плану.

Среди них можно выделить курсы истории литературы, которые нам читали преподаватели филологического факультета. Запомнился курс истории русской литературы XIX в., который вел доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза писателей И.А. Дергачев, основатель научной школы «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» [24, с. 169–170].

Историю современного искусства у нас читал выпускник отделения истории искусств филологического факультета УрГУ Г.Б. Зайцев. Он родился в Харбине в 1929 г. и в Шанхае окончил муниципальную французскую школу Сан Реми со степенью бакалавра. Г.Б. Зайцев в своих воспоминаниях подробно описал процесс обучения в этой школе и особо остановился на хорошей языковой подготовке. Он вспоминал: «Это впоследствии мне очень помогло и, в принципе, я понимаю и читаю (порой и без словаря) почти все европейские тексты, за исключением греческого и языков финно-угорской группы» [9, с. 108]. После репатриации из Китая в 1947 г. он оказался в Свердловске, где получил два высших образования, став геологом, а потом искусствоведом. Впервые мы познакомились с преподавателем – носителем европейской культуры, которая проявлялась не только в знании всех основных европейских языков, но и в манере держаться в аудитории, общаться со студентами. В начале 1970-х гг. преподаватели только начинали использовать ТСО. Г.Б. Зайцев приносил на занятия большое количество слайдов и комментировал произведения изобразительного искусства. Позже мы узнали, что Зайцев был единственным на Урале государственным экспертом по вопросам эротики и порнографии.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИСТФАКА

На наших глазах происходило становление нового исторического факультета УрГУ.

Во-первых, в 1966 г. истфак переехал в новое здание с ул. 8-го Марта, 62 на пр. Ленина, 51 (самый центр города Свердловска в здании бывшего облсовнархоза, которое было передано в марте 1966 г. решением СМ РСФСР). Вот были времена, когда вузам передавали лучшие здания в городе.

Во-вторых, на рубеже 1960–1970-х гг. была создана структура факультета, которая практически в неизменном виде просуществовала в течение двух десятилетий до следующей ее реорганизации, которая была осуществлена на рубеже 1980–1990-х гг.

К моменту нашего поступления на истфак было три кафедры: кафедра истории древнего мира и средних веков, кафедра новой и новейшей истории (на общественных началах), кафедра истории СССР. В декабре 1967 г. на факультете была создана кафедра истории советского обще-

ства. В связи с этим кафедра истории СССР была преобразована в кафедру истории СССР досоветского периода. В январе 1970 г. на истфаке было открыто историко-архивное отделение – единственное в восточных районах страны. В июле 1970 г. была создана кафедра архивоведения.

В-третьих, у нас были очень хорошие и высококвалифицированные преподаватели. Некоторые из них стали основателями научных школ. Проработав в вузе свыше 50 лет, понимаешь, как много в подготовке специалиста зависит и от личности, и от квалификации преподавателя.

К моменту нашего поступления на истфаке работал всего один доктор исторических наук, профессор М.Я. Сюзюмов – известный не только в стране, но и за рубежом специалист по истории Византии, основатель научной уральской школы византиноведения [24, с. 164–165]. Он возглавлял кафедру истории древнего мира и средних веков.

В 1971 г. для заведования созданной кафедрой архивоведения был приглашен из Свердловской высшей партийной школы доктор исторических наук, профессор В. Я. Кривоногов, ранее работавший на истфаке.

На наших глазах проходило «остепенение» преподавателей, появлялись доктора исторических наук, которые защитили диссертации либо во время нашего студенчества, либо сразу после окончания нами университета. Это были, по моему мнению, наиболее ценные кадры, которые доносили студентам в процессе преподавания результаты своих научных исследований.

В 1968 г. защитил первую на Урале докторскую диссертацию по историографии О.А. Васьяковский, основатель уральской историографической школы [24, с. 166–167]. В 1968 г. защитил докторскую диссертацию по истории общественной мысли в Италии в XII в. Н. А. Бортник, в 1969 г. – Н.В. Ефременков по истории коллективизации на Урале, в 1972 г. – А. Г. Козлов по истории казенной горнозаводской промышленности Урала. В 1974 г. защитил докторскую диссертацию по теоретико-методологическим проблемам археологии В. Ф. Генинг. В Уральском университете им была основана научная школа уральской и сибирской археологии [24, с. 165–166]. Писал докторскую диссертацию по истории горнозаводской промышленности Урала В.В. Адамов, но не защитил ее по независящим от него причинам.

Такого количества докторов наук в то время не было ни на одном гуманитарном факультете УрГУ.

Конечно, не только доктора наук вели учебный процесс на нашем курсе. Более того, некоторые преподаватели, готовившие к защите диссертации не читали нам общих курсов, а ограничивались чтением специальных или факультативных курсов. Основная часть наших преподавателей была доцентами, кандидатами наук. На 3-м курсе к нам в качестве преподавателей стали приходиться бывшие старшекурсники – выпускники 1968 и 1969 гг. Практику по новейшей истории вел В.И. Михайленко. Историю Урала советского периода читал А.В. Черноухов.

Мы благодарны всем, кто читал нам лекции, вел у нас практические и семинарские занятия, руководил многочисленными практиками, был у нас куратором и занимался с нами студенческой наукой. Все преподаватели, работавшие с нами, с благодарностью названы в наших ранних воспоминаниях [33, с. 135].

Хочется остановиться на характеристике лишь тех из них, которые научили нас преподавательскому мастерству.

Мы попали в стадию экспериментов в учебном процессе. Однокурсники вспоминают: на нас апробировали проведение некоторых экзаменов без билетов, в форме собеседования без предварительной подготовки; организацию т.н. «малых сессий», когда студенты во время семестра компактно сдавали отчетности по прочитанным курсам; проблемное чтение лекций (а непрочитанный материал выдавался студентом после консультаций на самостоятельное изучение); и др. [14, с. 23].

А.В. Черноухов приводит выдержку из годового отчета декана истфака за 1968/1969 учебный год, в котором констатировалось: «С 1968 г. преподаватели истфака стали переходить на проблемное чтение лекций. Разумеется, речь не идет о полном отказе от иных форм лекций, а об умелом их использовании. Лидерами новшества являются В.В. Адамов, О.А. Васьяковский, В. Ф. Генинг» [33, с. 57]. Действительно, вышеперечисленные преподаватели являлись не только реформаторами образования, но и личностями, на которых хотелось равняться, которым хотелось подражать.

На первом курсе нас просто обворожил В.Ф. Генинг. Блестящий лектор, подтянутый, всегда хорошо одетый. Он читал у нас курсы по основам археологии и истории первобытного общества. Многие уральские археологи вспоминают, что именно он дал им путь в археологию [6, с. 22].

В.Ф. Генинг работал на истфаке УрГУ с 1960 по 1974 гг. Он вспоминал: «После первого года чтения лекций я предложил объединить курсы истории первобытного общества и основ археологии в единый курс, для которого была написана специальная программа. На основе этой программы читались лекции на историческом факультете, а также на отделении искусствознания и философском факультете. Следует отметить, что такое соединение курсов оказалось весьма рациональным. Студенты хорошо усваивали не только общие закономерности развития первобытности, но и большой археологический материал, иллюстрировавший процесс на конкретный памятниках» [5, с. 151–152].

Однако новшество не прижилось и уже в 4-х годичном учебном плане оба предмета стояли отдельно. Может в связи с этим курс истории первобытного общества, который он читал у нас, носил во многом формальный характер. Зато в курсе археологии В.Ф. Генинг излагал не только материал учебников известных советских археологов А.В. Арциховского и Д.А. Авдусина, но и результаты собственных раскопок.

А ему было о чем нам рассказать. По его инициативе в УрГУ была организована Уральская археологическая экспедиция, собравшая обширный материал о культуре населения эпохи бронзового и железного века на территории Зауралья и Западной Сибири. В. Ф. Генинг руководил проведением разведочных работ и раскопок в бассейнах рек Тобол, Исеть, Тура, Тавда, Ишим, Тюменской, Челябинской, Курганской, Омской областей. В числе наиболее крупных стационарно исследованных памятников были такие, как Барсова гора (близ Сургута), Черноозерский комплекс (Омская область), комплекс памятников на Андреевском озере (под Тюменью), а также Синташтинский культурный комплекс XVIII–XVI вв. до н.э. (на юге Челябинской области), изучение которого положило начало раскопкам всемирно известного памятника Аркаим.

Лекции В.Ф. Генинга сопровождался показом большого количества слайдов. Для закрепления материала лекций он проводил коллоквиумы по определенной проблеме. Такую

форму занятий проводить гораздо сложнее, чем практические или семинарские занятия. В то же время она позволяет преподавателю понять, как хорошо студенты поняли тему и как они освоили материал самостоятельно. Нам нравились такие занятия.

Именно на время нашего обучения пришелся пик научного творчества доцента, кандидата исторических наук В.В. Адамова, главы уральского отделения «нового направления», разгромленного партийно-государственным руководством страны почти сразу же после нашего выпуска из университета.

Р.Г. Пихоя вспоминает: «Человек, ставший одним из символов истфака, был Владимир Васильевич Адамов. Фронтвик, потерявший ногу на войне, красивый особой мужественной красотой человека с развитым чувством собственного достоинства, лишенный красноречия, он читал нам историю России периода капитализма. Его манера чтения лекций была своеобразна. Создавалось впечатление, что он на глазах аудитории подбирает слова, отыскивает смысл прошлых событий. Заученная прежде история конца XIX–начала XX в., полная штампов (развитие капитализма после реформы 1861 г., формирование пролетариата, народничество и возникновение ленинской партии, три русских революции) – разворачивалась иной стороной. Прежде всего, появлялось ощущение «объемности», неоднозначности прошлого. На каждой лекции возникала ситуация, когда знакомое представляло совершенно иным... Каждая лекция Владимира Васильевича заканчивалась тем, что к нему выстраивалась очередь слушателей, задававших ему вопросы» [27, с. 20].

В своих воспоминаниях Л.В. Ольховая очень точно охарактеризовала манеру В.В. Адамова работы со студентами, которая была испытана и на нас: «Будучи уже очень опытным доцентом, Владимир Васильевич на зачетах и экзаменах разрешал открыто пользоваться конспектами лекций, «шпаргалками», – заранее заготовленными ответами на вопросы программы курса, но всегда безошибочно мог оценить ответ студента, распознать истинные знания от поверхностного списывания и верхоглядства. Студентов он «не тянул за уши», особенно тех, кто небрежно относился к учебе» [25, с. 9].

Нам лекции В.В. Адамова запомнились прежде всего тем, что при первой встрече он нам сказал, что будет принимать экзамен только по материалу своих лекций, а про учебники просил забыть. При изложении фактического материала по истории России второй половины XIX–начала XX в. он объяснил свою позицию. По его мнению, в советской исторической науке сложилось два направления: одно – традиционное, с позиций которого написаны учебники по истории России, второе – новаторское, взгляды которого он излагает в лекциях. В.В. Адамов рассказал нам о том, что принципиальное различие между этими направлениями заключается в разном подходе к пониманию ленинского теоретического наследия по изучаемому периоду. Если представители традиционного направления трактовали экономику и социальную структуру России второй половины XIX–начала XX в. с позиций формационного подхода, настаивая на их капиталистическом характере, то «новаторы» объясняли экономические и социальные проблемы этого периода российской истории с точки зрения ленинской теории многоукладности и настаивали на их переходном характере.

С третьего курса у нас началась специализация. Я выбрал для себя историю советского общества. На третьем курсе историю советского общества спецкурс по истории граждан-

ской войны читал нам О.А. Васьковский. Если про общий курс сказать нечего, то спецкурс принес нам много нового. О. А. Васьковский совсем недавно защитил докторскую диссертацию на тему «Советская историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны и иностранной интервенции на Урале» и познакомил нас со своим видением социально-политических проблем истории гражданской войны. О. А. Васьковский имел собственный независимый взгляд на историю гражданской войны в России. Считая гражданскую войну прямым продолжением революционных процессов 1917–1918 гг., он видел в ней противостояние классов, но при этом анализировал не столько идеологическую «борьбу классов», сколько социокультурное состояние крестьянства, поведение которого, по его мнению, определило исход гражданской войны.

Кроме того, он познакомил нас с методикой историографического исследования. Все преподаватели истфака в своих лекциях обязательно знакомили нас с историографией проблемы. Однако эти сведения носили характер кратко аннотированной библиографии. О. А. Васьковский попытался довести до студентов представление о том, что есть не только исторический источник, но и историографический источник, не только исторический факт, но и историографический факт, то есть концепция историка. На примере советской историографии гражданской войны он показывал, какие факторы влияют на изменение исторических взглядов одного и того же автора.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ НА ИСТФАКЕ. ОРТОДОКСЫ И ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ

Научная жизнь на историческом факультете УрГУ на рубеже 1960–1970-х гг. протекала бурно. За время нашего обучения мы были свидетелями целого ряда крупных научных форумов. Это сейчас проведение даже международных научных конференций на факультете стало делом обыденным. В советское время всесоюзные конференции проводились главным образом в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик. Проведение конференций такого уровня на периферии было свидетельством признания того, что у вуза имеются большие научные достижения.

В мае 1969 г. в УрГУ была проведена всесоюзная научная сессия «В.И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)» [12]. Она была организована секцией «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма» Научного совета Академии наук СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции» и Институтом истории СССР Академии наук СССР совместно с министерствами высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР.

В.В. Адамов снял студентов нашего курса со своих лекций и повел нас на конференцию. Мы стали свидетелями развернувшейся широкой дискуссии по докладам московских историков И. Ф. Гиндина и К. Н. Тарновского, а также доклада В.В. Адамова об «оригинальном строе» Урала. В. В. Адамов, ссылаясь на высказывания В.И. Ленина, утверждал, что горнозаводская промышленность на Урале была построена не на капиталистических началах, а по вотчинному принципу. Горнозаводские округа представляли собой сложные замкнутые

многоотраслевые хозяйства, основой которых было феодальное землевладение. В. В. Адамов считал, что указанный тип хозяйства, соединяя воедино все остатки крепостничества, был тормозом для развития капитализма.

Некоторые участники дискуссии выразили несогласие с В. В. Адамовым в оценке окружной системы как тормоза капиталистического развития. По мнению нашего преподавателя В.Я. Кривоногова, в рамках окружной системы наблюдалась капиталистическая эволюция – происходило техническое переоснащение предприятий, вливались новые кадры пришлых рабочих, не связанных с землей. Сами округа преобразовывались на акционерных началах. Тормозом служили не окружная система, а те особенности крестьянской реформы на Урале, благодаря которым в его социально-экономической структуре сохранились феодальные пережитки.

В октябре 1969 г. в УрГУ проходила VIII всесоюзная сессия византистов СССР. Сопредседателями этой сессии были З.В. Удальцова и М.Я. Сюзюмов. Проведение очередной сессии византистов СССР в Свердловске стало признанием вклада М.Я. Сюзюмова и созданной им научной школы в советское византиноведение. Основой его школы была теория «диалектического континуитета», согласно которой невозможно без влияния извне перепрыгнуть через рабовладельческий строй, невозможно прямо из родоплеменного строя войти в феодализм. К.Р. Капсалькова пишет: «Верный своим научным принципам, всегда готовый к продолжению дискуссии с оппонентами, во второй половине 1960-х гг. М.Я. Сюзюмов инициировал дискуссию о «дофеодальном периоде» с А.И. Неусыхиним и его последователями. В противовес распространенному в советской медиевистике «аракчеевскому режиму школы» Неусыхина, он выдвинул теорию «диалектического континуитета» [15, с. 98].

На нашем курсе М.Я. Сюзюмов читал только курс исторической хронологии. Однако представители его школы Н.Н. Белова, Н.А. Бортник, Е.Г. Суров, М.А. Поляковская, В.А. Сметанин вели у нас лекции и практические занятия по общим курсам истории древнего мира и средних веков. Студенты нашего курса присутствовали на конференции по распоряжению декана. Мы смогли визуально познакомиться со светилами советского византиноведения.

В сентябре 1972 г. в УрГУ проходила всероссийская межвузовская научная конференция «Ленинский план культурной революции и духовное развитие советского общества», посвященная 50-летию образования СССР.

Ее проводил наш преподаватель В.Г. Чуфаров, выпускник исторического факультета, совсем недавно защитившего докторскую диссертацию на тему «Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.)». На пятом курсе он прочитал у нас спецкурс «Культурная революция». В.Г. Чуфаров заведовал общеуниверситетской кафедрой истории КПСС, был основателем уральской школы историков культуры [24, с. 168]. Р.Г. Пихоя называет его «одним из самых успешных тогдашних историков» [27, с. 15]. По словам В.А. Кузьмина, «Чуфаров в то время был очень авторитетным человеком» и многие студенты вспоминали его «как человека, заложившего в них определенный мировоззренческий фундамент» [18, с. 126].

В.Г. Чуфаров был очень интересным человеком, блестящим оратором. Нас поразило то, что он в 37 лет защитил докторскую диссертацию. По советским меркам он был очень молодым доктором наук. Естественно, что В.Г. Чуфа-

ров был типичным представителем историко-партийной науки и методологической основой его спецкурса была марксистско-ленинская теория культурной революции, как составной части ленинского плана построения социализма наряду с индустриализацией и коллективизацией. В то же время он рассказывал нам о том, что в советской историографии хронологические рамки культурной революции понимают неправильно, сводят ее лишь к первым пятилеткам. Вслед за историком из Новосибирска В.Л. Соскиным В.Г. Чуфаров доказывал, что культурная революция в СССР как процесс формирования советского человека заняла большую историческую эпоху от Октябрьской революции до начала Великой Отечественной войны.

Конференция по культурной революции стала последним крупным научным историческим форумом, который проводился в УрГУ. На протяжении следующих двух десятков лет не было конференций по истории всесоюзного и всероссийского масштабов. К этому привело несколько причин.

Во-первых, истфак УрГУ в 1970–1980-е гг. попал в разряд неблагонадежных.

Поводом для этого стало т.н. «дело историка Адамова». Его суть такова. Спустя три года после проведения всесоюзной научной сессии по проблемам многоукладности в Свердловске в марте 1972 г. вышел сборник материалов этой сессии [3].

Заметим, что сборник увидел свет в неудачное время. По словам В.В. Поликарпова, в марте 1972 г. были предприняты попытки «оформить осуждение «нового направления» «научной общественности», а в июле с этой целью ближайшие помощники Трапезникова провели через Отделение истории АН соответствующее постановление» [28, с. 378].

4 марта 1973 г. в областной газете «Уральский рабочий» была опубликована статья профессоров УрГУ Ф.П. Быстрых и В.Я. Кривоногова «За строгую научность и историческую правду». В статье отмечалось, что «члены редакции и большинство авторов тому сборника об основном развитии капитализма в России в период империализма заслонились рассуждениями об укладах домонополистического капитализма, об укладах раннего капитализма, феодально-крепостного хозяйства, патриархального уклада и прочими». Сторонников «нового направления» авторы статьи упрекнули в том, что «эти рассуждения с точки зрения марксистско-ленинской методологии не выдерживают никакой критики» и «отказ от марксистской методологии приводит авторов сборника к нелепым антимарксистским выводам, искажающим историческую правду».

21 – 22 марта 1973 г. в ЦК КПСС прошло совещание историков, на котором сторонников «нового направления» обвинили в ревизионизме, отступлении от ленинской концепции предпосылок Октябрьской революции. 22 марта 1973 г. было принято постановление («рекомендации») отдела науки ЦК КПСС, в котором труды историков «нового направления» были осуждены [Там же].

10 апреля 1973 г. по указанию Свердловского обкома КПСС было проведено расширенное заседание парткома УрГУ, на котором обсуждался вопрос «О некоторых ошибочных теориях и методологических положениях сборника «Вопросы истории капиталистической России» (отв. ред. В.В. Адамов)» [26, с. 579]. Резкая критика опубликованных в уральском сборнике статей прозвучала и на всесоюзном уровне [17, 20].

Поскольку В.В. Адамов позиционировал себя как глава историков «уральской школы» «нового направления», то партийная критика в адрес «нового направления» завершилась принятием целого ряда организационных мер в отношении В.В. Адамова и некоторых его учеников.

Нам студентам, слушавшим лекции Адамова, ничего в них не показалось крамольным. Прав В.И. Михайленко, когда утверждает: «будучи продуктом советской машины, мы не предполагали, что история – наука идеологизированная» [21].

О «деле историка Адамова» написано немало работ. Обобщение этой литературы [11] показало, что среди современных авторов нет единства мнений по многим вопросам.

Нам представляется неубедительным утверждение М.А. Киселева о том, что «хотя В. В. Адамов оказался среди представителей «нового направления», однако в коммуникативном плане он, похоже, был на особом положении, не входя в тесный круг общения столичных коллег. Вполне возможно, что ситуация вокруг «нового направления» в большей степени была связана с конфликтами столичных историков и партийных деятелей, в которые по касательной оказались втянуты представители провинциальной исторической науки» [16, с. 350]. В.В. Адамов, несомненно, входил «в тесный круг общения столичных коллег».

Во-первых, он являлся учеником А.Л. Сидорова, который и воспитал многих «новонаправленцев». В.В. Адамов еще в 1954 г. под руководством А.Л. Сидорова в Ленинградском университете защитил кандидатскую диссертацию на тему «Горнозаводская промышленность Урала в годы первой мировой войны».

Во-вторых, В.В. Адамов с 1963 по 1969 гг. принимал участие во всех сессиях Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции».

В-третьих, его доклады представлены в двух из трех сборниках, которые являлись квинтэссенцией идей новонаправленцев «Свержение самодержавия в России (М., 1970)» и «Вопросы истории капиталистической России (проблема многоукладности). (Свердловск, 1972)» [См.: 32].

Наконец, именно ему было поручено проведение сессии Научного совета в Свердловске, которая оказалась для «нового направления» последней. Вряд ли можно найти еще какого-либо историка с периферии, который был бы удостоен такой чести быть представленным в среде столичной научной элиты.

Среди современных авторов нет единства мнений по вопросу о причинах, приведших к осуждению исторических взглядов В.В. Адамова. Мы уже писали о том, наряду с причинами идеологического характера, выступление профессоров УрГУ Ф.П. Быстрых и В.Я. Кривоногова против В.В. Адамова было спровоцировано научными разногласиями и личной неприязнью [13].

Вводимые в последнее время в научный оборот источники все сильнее убеждают автора этих строк в том, что именно личная неприязнь становилась зачастую главной причиной выступления некоторых наших преподавателей против своих коллег.

М.А. Поляковская, возглавившая после смерти М.Я. Сюзюмова уральскую школу византиноведения, в статье к 100-летию учителя вспоминала: «Нетерпимое отношение к инакомыслию, которым характеризуется брежневское время, сказалось и в Уральском университете. В начале 70-х гг. по

письму одного из профессоров в партийное бюро исторического факультета была создана комиссия, расследовавшая пропагандирует ли Сюзюмов буржуазные взгляды» [29, с. 177]. Мы гадали о том, кто из преподавателей истфака мог написать донос на своего коллегу?

Только в 2021 г. А.С. Мохов опубликовал документ, который раскрыл нам имя неизвестного профессора. Им оказался Н.А. Бортник, который еще в 1969 г. пытался опорочить имя М.Я. Сюзюмова. Он обрушился с критикой его теории континуитета, «позаимствованной из буржуазной историографии», обвинял его в возрождении «буржовой» и «рыночной» буржуазных теорий, в отрицании роли народных масс в одной из важных областей феодального общества – в создании городов. А.С. Мохов пишет, что «критика Н. А. Бортником теории диалектического континуитета весьма сумбурна и полна симплификаций» и «данное письмо следует рассматривать как эмоциональный порыв, попытку увести дискуссию с М. Я. Сюзюмовым из сферы научной в общественно-политическую. Обвиняя М. Я. Сюзюмова в приверженности буржуазной теории исторического развития, автор письма прибегает к распространенному в советской науке 1930–1950-х гг. приему – публичному доносу» [23, с. 316].

Причины выступления Н. А. Бортника против М. Я. Сюзюмова более чем очевидны. Только что защитивший докторскую диссертацию ученый хотел «подсидеть» заведующую кафедрой истории древнего мира и средних веков и занять его место. Несмотря на то, что в 1969 г. М. Я. Сюзюмову исполнилось 76 лет, он не спешил расставаться с заведованием кафедрой. В воспоминаниях преподавателей истфака приводятся сведения о том, как непросто складывались взаимоотношения М.Я. Сюзюмова и И.Н. Чемпалова, который настоял на выделении из кафедры всеобщей истории, возглавляемой М.Я. Сюзюмовым, кафедры новой и новейшей истории. Она десять лет с 1964 по 1974 гг. существовала на общественных началах, а И.Н. Чемпалов в 1969 г. уходил с истфака и заведовал кафедрой научного коммунизма [19, с. 114].

Таким образом, профессиональные и личностным коммуникации преподавателей истфака на рубеже 1960–1970-х гг. являлись непростыми. Они позволяют порассуждать на тему, вынесенную в подзаголовок данного раздела: ортодоксы и инакомыслящие. Про ортодоксов все понятно.

На рубеже 1960–1970-х гг. в стране происходили изменения, свидетельствовывавшие об изменении отношения власти к историкам. Ощущали ли «консервативный поворот» студенты конца 1960–начала 1970-х гг.? Запомнился один эпизод. Когда 5 декабря 1969 г. в газете «Правда» была опубликована редакционная статья, посвященная 90-летию со дня рождения И.В. Сталина, для нас таким образом была ликвидирована «фигура умолчания» в советской истории. Мы, прослушавшие в течение полутора лет курс истории КПСС, знали о культе личности Сталина, но мало что знали о нем как о политике и государственном деятеле.

Было ли инакомыслие на истфаке на рубеже 1960–1970-х гг., а если оно было, то кого можно из преподавателей, работавших на истфаке к нему причислить? Этот вопрос резонно встал после того, как в современной литературе В.В. Адамов был причислен к инакомыслящим [30], а теория многоукладности была объявлена диссидентствующей [4].

Мог ли являться диссидентом, антисоветчиком или просто инакомыслящим в советскую эпоху человек, который был

членом КПСС, секретарем парткома университета, деканом идеологического факультета и заведующим кафедрой? В.В. Адамов исследовал социально-экономические процессы в России, опираясь, в первую очередь, на труды Ленина. Да, он подходил к этим работам не догматически, говорил в своих лекциях о том, что надо различать оценки Ленина этих процессов, которые он давал в своей ранней экономической работе «Развитие капитализма в России» (1899 г.), от тех оценок, которые он давал в более поздней работе «Империализм как высшая стадия империализма» (1916 г.) и таким образом признавал, что у вождя была эволюция взглядов.

Был ли «буржуазным» ученым М.Я. Сюзюмов, разработавший теорию «диалектического континуитета»?

Другое дело, что многие из преподавателей, чьи лекции мы слушали на истфаке, пострадали в период сталинщины и имели все основания не любить советскую власть. Конечно, в годы нашего студенчества мы об этом не могли знать. Документы об этом были опубликованы лишь в современной России.

М.Я. Сюзюмов в 1936 г. был арестован органами НКВД по т.н. «златоустовскому делу» за связь с иностранными коллекционерами марок, осужден на три года лишения свободы, через девять месяцев был освобожден и был помилован ВЦИК [31, с. 11–13].

Г.И. Бондарев, читавший у нас диамат, в июле 1946 г. был осужден на пять лет заключения в исправительно-трудовом лагере за руководство Организацией идейно-коммунистической молодежи, отставившей чистоту марксизма и с марта 1951 по май 1954 г. отбывал ссылку в Кустанае [34, с. 142].

Г.Б. Зайцев, читавший у нас историю искусств, был после окончания Второй мировой войны репатрирован единственным из семи из Китая в СССР. Он пишет в своих воспоминаниях о том, что он очень хотел быть репатрирован в СССР: «Зарубежные скитания для меня закончились. Я приехал домой, на свою Родину, навсегда. Об этом я никогда ни секунды не сожалел» [9, с. 113]. Однако, читая его ностальгические воспоминания о Шанхае, в котором он родился, о его очень состоятельной семье, его контактах с белой эмиграцией в Китае, как-то не хочется соглашаться с его словами.

В то же время заметим, что никто из этих преподавателей не показывал студентам недовольства по поводу своей судьбы.

На наших глазах проходило начавшееся «закручивание гаек». Из УрГУ была уволена преподаватель философского факультета Л.Я. Рубина, которая читала на нашем курсе лекции по марксистско-ленинской этике и эстетике, только за то, что она дала рекомендацию в партию студенту философского факультета В. Косвану, который эмигрировал в Израиль. Между тем, время нашего студенчества считалось «невыездным» и тот, кто покидал Родину, считался предателем. Р.Д. Голдина вспоминает о том, за какие заслуги нашего однокурсника выпустили за границу: «В то далекое невыездное время талантливого чтеца В. Кананина выпустили даже за границу – в Польшу и Венгрию [7, с. 102]».

Вторая причина падения авторитета истфака УрГУ в 1970–1980-е гг. видится в кадровых изменениях, которые произошли в преподавательском составе в начале 1970-х гг. Поскольку Свердловск считался неблагополучным в экологическом отношении городом, некоторые преподаватели, только что защитившие диссертации стали уезжать в более престижные районы страны. В 1970 г. в Калинин уехали О.А. Васковский, в 1971 г. – Н.В. Ефременков. В 1974 г. после защиты докторской диссертации В. Ф. Генинг пере-

ехал в Киев, где занял пост заместителя директора Института археологии АН Украины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование, которое мы получили на историческом факультете на рубеже 1960–1970-х гг. было очень качественным и разным. Сказалось то, что мы учились в переломную эпоху. Большая часть выпускников пошла работать по специальности, преподавать историю в вузах и школах. Часть связала свою судьбу с деятельностью в партийных и комсомольских структурах. Именно выпускники этого времени стояли у истоков реформирования исторического факультета на рубеже 1980–1990-х гг., защитив докторские диссертации: Р.Г. Пихоя (1987 г.), В.И. Михайленко (1988 г.), В.Д. Камынин (1990 г.), А.В. Черноухов (1993 г.). Р.Г. Пихоя возглавил кафедру истории СССР досоветского периода, в 1988 г., был назначен проректором по учебной работе, а затем – первым проректором УрГУ. Р.Г. Пихоя вспоминает: «В 1990 г. уже по моему представлению (я был тогда первым проректором университета) ректорат создал Институт русской культуры, первый и единственный в системе университетов страны» [27, с. 52]. Заметим, что именно в это время в УрГУ было создано одно из лучших общеобразовательных учреждений г. Свердловска – Специализированный учебно-научный центр (СУНЦ УрГУ), прообраз нынешнего «Сириуса». Р.Г. Пихоя принимал непосредственное участие в его создании, а В.И. Михайленко и автор этих строк возглавляли в нем историческое образование.

В.И. Михайленко с 1989 по 1993 гг. был деканом исторического факультета. В ответах на вопросы главного редактора журнала «История и современное мировоззрение» Е.В. Халкиной он так охарактеризовал свою деятельность: «Открыл Итальянский колледж как структурное подразделение университета для детей 10–11-х классов. Открыл направление международных отношений и реализовал его в успешный факультет. 1990-е годы были для меня самыми плодотворными, я организовал более 100 рабочих мест» [2, с. 161].

Из выпускников исторического факультета того времени вышли люди, которые создавали новую российскую государственность. Выпускница 1968 г. Л.Г. Пихоя (Аверьянова) в 1990–1998 гг. была руководителем группы спичрайтеров Б.Н. Ельцина, в 1998–1999 гг. советником президента Б.Н. Ельцина, а выпускник того же года Р.Г. Пихоя в 1992–1996 гг. работал Главным государственным архивистом России. Выпускник 1969 г. Ю.С. Кирьяков в 1988–1996 гг. являлся членом президиума Российского фонда культуры, председателем правления Свердловского областного отделения Российского фонда культуры. Выпускник 1972 г. Г.Н. Харин в 1990–1991 гг. работал в администрации Председателя Верховного Совета РСФСР, а затем первым спичрайтером Б.Н. Ельцина. Не лишним будет вспомнить, что выпускник философского факультета УрГУ 1973 г. Г.Э. Бурбулис возглавлял эту команду, будучи в 1990 г. руководителем избирательного штаба Б.Н. Ельцина, а после его победы на выборах занял пост Государственного секретаря РСФСР.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив УрГУ, 1974, связка 55.
2. Валерий Михайленко. «У стандарта цивилизованности нет альтернативы...» // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 3 (62). С. 154–163.
3. Вопросы истории капиталистической России (проблема многоукладности). Свердловск: [б.и.], 1972. 376 с.
4. Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Мат. V регион.науч. конф., декабрь 2002 г. Екатеринбург: БКИ, 2003. С. 5–22.
5. Генинг В.Ф. Автобиография научной деятельности // Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.): Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 9. Ижевск: УдГУ, 2003. С. 145–181.
6. Голдина Р.Д. Мой путь в археологию // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Т. 4. Сборник научных трудов, посвященной Голдиной Р.Д. за научный вклад в развитии региональной археологии. Ижевск, УдГУ, 2002. С. 17–54.
7. Голдина Р.Д. Мой Володя Кананин // Мой Кананин (человек, педагог, исследователь). Ижевск: УдГУ, 2016. С. 99–133.
8. Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 318 с.
9. Зайцев Г. Б. Приподнимаю занавес из тонкого китайского шелка... (Воспоминания русского репатрианта) // Белая армия. Белое дело. Вып. 5. Екатеринбург ООО «Издательство УМЦ УПИ», 1998. Екатеринбург, 1998. С. 90–113.
10. Камынин В.Д. Личностный фактор в исторической науке (историографические портреты). Екатеринбург, 2012. 286 с.
11. Камынин В.Д. «Страсти по В. В. Адамову» // Запад, Восток и Россия: Историческая политика и политика памяти. Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург, 2014. Вып. 16. С. 224–237.
12. Камынин В.Д. Из истории исторической науки на Урале на рубеже 1960–1970-х гг. // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1. № 3. С. 62–71.
13. Камынин В.Д. Личностные и профессиональные коммуникации историков Уральского университета на рубеже 1960–1970-х гг. // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.): в двух частях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. Ч. I. С. 44–49.
14. Камынин В.Д., Левковская Г.А., Чусова Л.П. Воспоминания однокурсников Наталии Николаевны // Мир историка и пространство истории: Сб. статей к юбилею профессора Н.Н. Алеврас. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 20–26.
15. Капсалькова К.Р. VIII всесоюзная сессия византинистов СССР 1969 года (по материалам архива М.Я. Сюзюмова) // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1. № 2. С. 98–104.
16. Киселев М. А. К вопросу о принципах публикации текстов советского самиздата: несколько критических замечаний // Историческая экспертиза. 2020. № 2 (23). С. 343–354.
17. Кузнецов И.В. Об укладах и многоукладности капиталистической России // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 20–32.
18. Кузьмин В.А. Возвращаясь памятью // Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 318 с. С. 122–129.
19. Кулагина Г.А. Свидетель века. Екатеринбург: УрГУ, 2005. 170 с.
20. Левыкин К.Г., Сиволобов А.М., Шарапов Г.В. О книге «Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности» // Вопросы истории КПСС. 1973. № 11. С. 108–115.
21. Михайленко В.И. О языках, свободе и элитах, которым кажется, что держат бога за бороду URL: // <https://www.uralweb.ru/pages/archiv/127-valeriy-ivanovich-mihaylenko.html> (дата обращения 03.09.2021 г.)
22. Мой Кананин (человек, педагог, исследователь). Ижевск: УдГУ, 2016. 198 с.

REFERENCES:

1. USU Archive, 1974, bundle 55.
2. Valery Mikhailenko. «The standard of civility has no alternatives...» // International Processes. Vol. 18. No. 3 (62). Pp. 154–163.
3. Questions of the history of capitalist Russia (the problem of multiformity). Sverdlovsk: [b.i.], 1972. 376 p.
4. Gavrillov D. V. Dissident «theory of multiformity»: the test of time for reliability and viability // Ural industrial. Bakunin reader. Mate. V region.scientific. conf., December 2002. Ekaterinburg: BKI, 2003. P. 5–22.
5. Gening V. F. Autobiography of scientific activity // Melnikova O. M. Sverdlovsk scientific archaeological school of V. F. Gening (1960–1974): Materials and research of the Kamsko-Vyatka archaeological expedition. Vol. 9. Izhevsk: UdSU, 2003. Pp. 145–181.
6. Goldina R. D. My way to archeology // Research traditions in the archeology of the Kama region. Vol. 4. Collection of scientific papers dedicated to Goldina R. D. for scientific contribution to the development of regional archeology. Izhevsk. UdGU, 2002. Pp. 17–54.
7. Goldina R. D. My Volodya Kananiin // My Kananiin (a person, teacher, researcher). Izhevsk: UdGU, 2016. P. 99–133.
8. Breathe freedom: A book about Yuri Kiryakov. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. 318 p.
9. Zaitsev G. B. Lifting the curtain of thin Chinese silk... (Memoirs of a Russian repatriate) // White Army. Beloe delo Issue 5. Yekaterinburg, LLC «Publishing House of UMC UPI», 1998. Yekaterinburg, 1998. Pp. 90–113.
10. Kamynin V. D. Personal factor in historical science (historiographic portraits). Yekaterinburg, 2012. 286 p.
11. Kamynin V. D. «Passions according to V. V. Adamov» // West, East and Russia: Historical politics and the politics of memory. Questions of universal history. Yekaterinburg, 2014. Issue. 16. Pp. 224–237.
12. Kamynin V. D. From the history of historical science in the Urals at the turn of the 1960s–1970s. // History and modern worldview. 2019. Vol. 1. No. 3. Pp. 62–71.
13. Kamynin V. D. Personal and professional communications of historians of the Ural University at the turn of the 1960s–1970s. // Creative laboratory of a historian: horizons of the possible (to the 90th anniversary of the birth of B. G. Mogilnitsky). Materials of the All-Russian scientific conference with international participation (Tomsk, October 3–4, 2019): in two parts. Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 2019. Ch. I. P. 44–49.
14. Kamynin V. D., Levkovskaya G. A., Chusova L. P. Memories of Natalia Nikolaevna's classmates // The world of the historian and the space of history: Collection of articles for the anniversary of Professor N. N. Alevras. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2018. Pp. 20–26.
15. Kapsalykova K. R. The VIII All-Union session of the Byzantinists of the USSR in 1969 (based on the materials of the archive of M. Y. Syuzumov) // History and modern worldview. 2019. Vol. 1. No. 2. Pp. 98–104.
16. Kiselev M. A. On the question of the principles of publishing texts of the Soviet samizdat: several critical remarks // Historical expertise. 2020. No. 2 (23). Pp. 343–354.
17. Kuznetsov I. V. On the ways and multiformity of capitalist Russia // Questions of history. 1974. No. 7. P. 20–32.
18. Kuzmin V. A. Returning with memory // Breathe freedom: A book about Yuri Kiryakov. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. 318 p. P. 122–129.
19. Kulagina G. A. Witness of the century. Ekaterinburg: The Ural State University, 2005. 170 p.
20. Levykin K. G., Sivolobov A. M., Sharapov G. V. About the book «Questions of history of capitalist Russia: the challenge of multiformity» // Questions of history of the CPSU. 1973. No. 11. P. 108–115.
21. Mikhailenko V. I. About languages, freedom and elites who think they are holding God by the beard URL: // <https://www.uralweb.ru/pages/archiv/127-valeriy-ivanovich-mihaylenko.html> (accessed 03.09.2021).
22. My Kananiin (a person, teacher, researcher). Izhevsk: UdGU, 2016. 198 p.

23. Мохов А. С. Письмо профессора Н. А. Бортника в редакцию журнала «Коммунист» о «буржуазном» историке М. Я. Сюзюмове (1969) // Партийные архивы. Прошлое и настоящее, перспективы развития: Материалы VI межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции. Оренбург, 19–20 мая 2021 года. Екатеринбург : ООО Универсальная Типография Альфа-Принт, 2021. С. 306–317.
24. Научные школы Уральского федерального университета: энциклопедия / под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. В. В. Запария. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 512 с.
25. Ольховая Л.В. Воспоминания об учителе // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та. 2004. С. 7–12.
26. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. М.: Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007. 715 с.
27. Пихоя Р.Г. Записки археографа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с. Часть 1 Воспоминания студента истфака УрГУ. С. 10–30.
28. Поликарпов В.В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М.: Росс. гос. гуманит. ун-т. 1996. С. 379–400.
29. Поляковская М.А. Ученый и время: К 100-летию со дня рождения М.Я. Сюзюмова // Византийский временник. М., 1993. Т. 54. С. 170–182.
30. Прищепа А.И. Инакомыслящий историк В.В. Адамов // Каменный пояс на пороге тысячелетия. Екатеринбург: БКИ, 1997. С. 70–74.
31. Сюзюмов Михаил Яковлевич. Сборник документов. Екатеринбург: ГАСО, ЦДООСО, клуб ЮНЕСКО «Архивист». 1996. № 5. 26 с.
32. Хронологический список трудов Владимира Васильевича Адамова // Проблемы истории России: От традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург: НПМП «Волот», 1996. С. 175–179.
33. Черноухов А.В. Исторический факультет Уральского государственного университета. 1956–1970. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013. 143 с. С. 133–134.
34. Шеваров Д. Г. Гений Бондарев // Изв. Урал. гос. ун-та. 2000. № 16. С. 141–146.
23. Mokhov A. S. The letter of Professor N. A. Bortnik to the editorial office of the magazine «Communist» about the «bourgeois» historian M. Ya. Syuzumov (1969) // Party Archives. Past and present, development prospects: Materials of the VI interregional (with international participation) scientific and practical conference. Orenburg, May 19–20, 2021. Yekaterinburg: Universal Printing House Alfa-Print, LLC, 2021. P. 306–317.
24. Scientific schools of the Ural Federal University: encyclopedia / under the general ed. of Doctor of Historical Sciences, prof. V. V. Zaparia. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2020. 512 p.
25. Olkhovaya L. V. Memories of a teacher // Socio-economic and political development of the Urals in the XIX–XX centuries. To the 90th anniversary of the birth of V. V. Adamov. Yekaterinburg: Ural Publishing House.un-ta. 2004. Pp. 7–12.
26. Pihoya R. G. Moscow. Kremlin.Authority. Forty years after the war. M.: Rus-Olympus; Astrel; AST, 2007. 715 p.
27. Pihoya R. G. Notes of an archeographer. M.: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. 496 p. Part 1 Memoirs of a student of the USU Faculty of History. Pp. 10–30.
28. Polikarpov V. V. «New direction» of the 50-70s: the last discussion of Soviet historians / / Soviet historiography. Moscow: Ross. gos. humanit. un-t. 1996. Pp. 379–400.
29. Polyakovskaya M. A. The scientist and the time: To the 100th anniversary of the birth of M. Ya. Syuzumov // Byzantine vremennik. M., 1993. Vol. 54. P. 170–182.
30. Prischepa A. I. Dissenting historian V. V. Adamov // Stone belt on the threshold of the Millennium. Ekaterinburg: BKI, 1997. P. 70–74.
31. Mikhail Yakovlevich Syuzumov. Collection of documents. Yekaterinburg: GASO, TSDOOSO, UNESCO club «Archivist». 1996. No. 5. 26 p.
32. Chronological list of works by Vladimir Adamov // Problems of Russian history: from traditional to industrial society. Ekaterinburg: NPMP «Volob», 1996. P. 175–179.
33. Chernouhov A. V. The Historical faculty of the Ural state University.1956–1970.Ekaterinburg: publishing house of Ural University, 2013. 143 p.
34. Shevarov D. G. Genii Bondarev // Izv. Ural. state un-t. 2000. No. 16. C. 141–146.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность – 91,5%.

Рецензент: *Попов Михаил Валерьевич*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (специальность 07.00.02)

Статья поступила в редакцию 16.08.2021, принята к публикации 06.09.2021

The article was received on 16.08.2021, accepted for publication 06.09.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: kamynin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir D. Kamynin, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the Ural Federal University. The first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: kamynin@yandex.ru